

стран. Такова теоретическая статья К. Н. Афанасьева „Геометрический анализ храма св. Софии в Константинополе“¹; статья историко-архитектурного содержания „Архитектура Константинополя IX—XII вв.“², написанная Н. И. Бруновым, обследовавшим девять важнейших построек этого периода; статья А. Н. Николаева „Современное состояние памятников византийского зодчества в Стамбуле“³, где особенностями политического режима Турции объясняется тот факт, что эти памятники до сего времени были очень мало изучены и даже не все учтены.

В статье Н. И. Брунова „Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры“⁴ доказывается, что строителями храма были не византийские, а русские мастера, которые пользовались в своей работе местными традициями зодчества, существовавшими еще в докиевский период.

Следя за зарубежной византиноведческой литературой, советские византилисты выступали с рядом критических статей против некоторых спорных взглядов буржуазных ученых, главным образом в области социально-экономических отношений в Византии. Одни из этих статей представляют собою тематические обзоры литературы, другие — разбор трудов отдельных авторов, третьи — критику серий журналов и сборников. Дан также ряд рецензий на отдельные исследования зарубежных ученых. Однако в задачу данного обзора рассмотрение этих работ не входит.

Е. Н. Елеонская и С. Н. Катперев

E. DEMOUGEOT. DE L'UNITÉ À LA DIVISION DE L'EMPIRE ROMAIN. 395—410. ESSAI SUR LE GOUVERNEMENT IMPÉRIAL.

Paris, 1951, XVI + 618 p.

Начиная со времен Ш. Монтескье и Э. Гиббона, причины падения Римской империи привлекают к себе внимание историков. Нет почти ни одного крупного исследователя римской истории, который не останавливался бы в своих работах на этом действительно важном вопросе. Несмотря на ряд отдельных удач и достижений (главным образом в области накопления и уточнения фактического материала и разрешения ряда частных вопросов), проблема в целом не была разрешена удовлетворительно зарубежной историографией. Это относится и к новейшим исследованиям.

Нельзя вскрыть причины падения Римской империи, не выяснив предварительно тех коренных внутренних сдвигов в общественно-экономической жизни, которые привели к разделению империи. Разделение империи — это не просто формальный акт, хронологически предшествовавший гибели Римской империи, а результат длительного и сложного процесса, в котором отразились глубокие и непримиримые противоречия, раздиравшие империю и по-разному проявлявшиеся в ее восточной и западной частях. Следовательно, разрешение этого вопроса в значительной степени приближает нас к пониманию дальнейшего развития событий. Этим и объясняется то исключительное место, которое занимает указанная проблема в исторической литературе. В последнее время появился ряд новых работ на эту тему (С. Маццарино, Э. Фишер-Фал-

¹ ВВ, 1952, т. V, стр. 207—215.

² ВВ, 1949, т. II, стр. 150—214.

³ ВВ, 1953, т. VII, стр. 146—160.

⁴ ВВ, 1950, т. III, стр. 154—200.

кенгоф, Ж. Р. Паланк и др.). К их числу принадлежит и труд Э. Демужо, которому посвящена настоящая рецензия.

Работа Демужо является докторской диссертацией, защищенной автором в 1949 г. в Парижском университете, преподавателем которого она состоит.

В предисловии к своей книге автор выражает неудовлетворенность всеобщими историями С. Ленэн де Тиллемона, Э. Гиббона, О. Зеека, Э. Штейна, поскольку, по его мнению, они носят слишком ярко выраженный оценочный характер. Демужо считает также, что и сочинения, посвященные истории отдельных частей и провинций империи (Бьюри, Ло, Коллингвуд, Майрс, Альфельди), равно как и специальные исследования по экономической, административной, военной, культурной и церковной истории, страдают фрагментарностью и односторонностью.

Тем не менее сам автор отказывается от попыток разрешить какие-либо принципиальные вопросы и ограничивает свое исследование исключительно рассмотрением фактического материала в пределах строго установленных хронологических рамок, а именно — пятнадцатилетнего периода с 395 по 410 г.¹ „Две даты, которые следует считать важными по тому, что произошло до и после них, определяют границы этого отрезка времени. Они помогают систематическому исследованию определенных фактов, позволяя выдвигать объяснительные гипотезы также ограниченного характера, т. е. действительные только для времени, непосредственно близкого к рассмотренному кризису“ (стр. XI, разрядка наша. — *И. Ф.*).

Демужо не только остерегается делать далеко идущие выводы (а подобных выводов нельзя не делать, изучая переломную эпоху), но, ссылаясь на исключительную сложность и противоречивость событий, на обилие „необъяснимых“ и в то же время „определяющих“ случайностей, на недостаточность документальных данных, полагает нужным предупредить читателя об опасности „упрощений“ в объяснении этого критического периода, особенности которого не были осознаны современниками и, частично, не поддаются исследованию и в настоящее время (стр. XIV). Таким образом, автор ставит перед собой весьма узкие задачи чисто фактологического характера — „выяснения современного состояния наших знаний в этой области“ (стр. XII).

Правда, в отличие от своих предшественников (Рихтер, Фарг, Келлер, Маццарини, Фишер-Фалькенгоф), концентрировавших внимание на личности Стилюхона, Демужо признает, что внутреннее единство, свойственное исследованиям, группирующим факты вокруг какой-нибудь исторической личности, часто „искусственно“; она обещает поэтому поставить в центре исследования вопрос о том, «как Восток отделился от Запада, и как Запад был „внезапно“ наводнен варварами» (стр. XI). Но отказ от попыток вскрыть подлинные причины закономерного разделения империи на деле привел к тому, что автор сосредоточил все свое внимание на собирании действительно огромной массы фактического материала, причем и Демужо рассматривает этот материал, исходя из поступков основных исторических деятелей изучаемого периода, в первую очередь — Стилюхона.

Объемистая монография Демужо состоит из трех разделов (1. „Единство империи в 395 г.“, стр. 3—89; 2. „События и люди между 395 и 410 гг.“, стр. 91—489; 3. „Основные аспекты разделения империи

¹ На стр. 93 автор предпочитает 378-й год 395-му, как *tournant décisif*, но почему-то останавливается все же на последней дате.

после 410 г.“, стр. 493—562) и общего заключения (стр. 563—570), в котором автор подводит итоги своего исследования. К книге приложены подробная библиография (стр. 572—588), указатель имен (стр. 589—604) и предметный указатель (стр. 605—612).

Как видно уже из распределения материала, автор уделил главное внимание не изучению причин и последствий разделения империи, а самому ходу событий, приведших к окончательному обособлению двух частей империи.

Вызывает серьезные возражения самое расположение материала в важнейшем, первом разделе. На передний план автор выдвигает явления надстроечного порядка, тщательно и подробно останавливаясь на характеристике императорской власти, на положении членов императорской семьи и двора, на структуре центрального и местного управления и особенностях фискальной и военной организации империи. Экономическая же характеристика империи, сопоставление экономического и социального развития Запада и Востока, анализ классового состава населения империи и тех изменений, которые происходили в расстановке общественных сил и в положении различных классов, отодвигаются на задний план: этим вопросам уделяется столько же места, сколько и разбору религиозных противоречий. Причем анализ религиозных противоречий сводится к исследованию взаимоотношений между христианами и язычниками на Востоке и на Западе (автора интересуют главным образом различия в политике христианского правительства и позиции высших слоев языческой знати в обеих частях империи).

Общий вывод Демужо заключается в том, что, несмотря на имевшиеся серьезные трудности (недостаточная прочность императорской власти, слабая централизация административного аппарата, неудовлетворительность фискальной системы, варваризация армии, социальные противоречия¹, отдельные трещины между Западом и Востоком), в 395 г. еще нельзя говорить серьезно о противоположности двух частей империи. Только религиозный кризис, по мнению автора, „яснее экономических и социальных проблем“ (!) объясняет скрытые трения между ними, так как именно на этой „благоприятной почве“ созрели противоречия и контрасты „между оставшимся эллинистическим и процветающим Востоком и недостаточно латинизированным и организованным Западом“. Во всяком случае угроза разрыва скорее потенциальна, чем реальна, и лишь неблагоприятное стечение обстоятельств, усугубленное растущим соперничеством двух правительств (особенно с 405 г.), нарушит хрупкое равновесие империи, приведет в движение все недовольные силы, повлечет за собой окончательный разрыв, инициатором которого выступал „сепаратистский“, „антиварварский“ (особенно после Гайны), „националистический“ Восток (стр. 178, 210, 235, 264, 489 и др.).

Именно поэтому автор и обращается во втором разделе книги к подробнейшему анализу „событий и людей между 395 и 410 гг.“, который и составляет основу всего исследования.

Используя огромный фактический материал, привлекая широкий круг нарративных, законодательных, эпитафических, нумизматических и частично археологических данных, а также огромную литературу вопроса, автор с подробностью, порой утомительной и иногда даже нарушающей композиционное единство, восстанавливает богатую событиями историю

¹ Автор считает, что экономическая жизнь империи в это время не нарушалась (большое значение он придает сохранению устойчивой монеты) и обеспечивала население высокий материальный уровень существования (стр. 87). Чем же вызывались тогда обострение классовых противоречий, финансовые трудности правительства?

этого короткого, но значительного по своим последствиям отрезка времени. Изучению подвергается деятельность западного и восточного правительств, хотя предпочтение отдается Западу. В центре исследования стоит фигура Стилихона, которого автор, не скрывая, впрочем, его отдельных неблагоприятных поступков, в целом, несомненно, идеализирует; он считает Стилихона искренним сторонником единства империи, проникнутым высокими идеалами „римской цивилизации“.

Весь этот период рассматривается с точки зрения взаимоотношений между Западом и Востоком. Тщательно разбирается соперничество между Стилихоном и Руфином, Стилихоном и Евтропием, Стилихоном и Анфимием, большое внимание уделяется восстанию Гайны (гораздо меньше — восстанию Трибигильда), конфликту между Иоанном Златоустом и константинопольским правительством и ряду других вопросов, представляющих интерес для византиниста. Подробно разбираются также вторжения варваров, но в основном в плане военной и политической истории. Причины варварских вторжений, взаимоотношения варваров с угнетенным населением остаются вне поля зрения исследователя, хотя он и упоминает многие факты, важные для уяснения этих вопросов.

Автор видит только борьбу между „националистами“, как называет Демужо представителей „антиварварской“ ориентации, и теми кругами, которые понимали необходимость идти на соглашения и уступки. Гибель Стилихона, единственного человека, который, по мнению исследовательницы, трезво оценивал ситуацию, вызванную непредвиденным стечением обстоятельств, нарушивших все его планы, означала передачу власти в руки „антигерманцев“. Неопытные политики, они быстро довели дело до рокового конфликта с Аларихом, завершившегося, после целого ряда колебаний в политике как с одной, так и с другой стороны, взятием Рима.

Взятие Рима означало непоправимое ослабление Запада, окончательно потерявшего связь с процветающим Востоком, который почти перестал интересоваться судьбой западной части империи.

Следовательно, как явствует из изложения событий, данного Демужо, причиной всех бед явились непредвиденные обстоятельства — варварские вторжения и неудачная политика противников и преемников Стилихона. Роль последнего, — это уже было нами отмечено, — автор переоценивает, так же как и роль Алариха, следуя распространенной в буржуазной исторической науке тенденции преувеличивать значение деятельности исторических личностей и недооценивать роль народных масс.

Последний раздел книги посвящен анализу социально-экономической жизни двух частей империи, с момента их окончательного обособления. Материал преподносится в порядке противопоставления, дополняя таким образом данные, приведенные в первом разделе. Сведения, относящиеся к государственному управлению, провинциальной администрации, организации армии, финансов, положению сенаторов, куриалов, ремесленников, политике по отношению к церкви и церковным ересям, сопоставление экономического развития Запада и Востока, при всей их фрагментарности и сжатости, представляют несомненный интерес.

В общем заключении автор вновь подчеркивает, что разделению империи способствовали три непредвиденных факта: вторжение Радагайса в 405 г., не давшее возможности Стилихону использовать внутренние затруднения Анфимия, волна варварских вторжений 406—407 гг., заставших врасплох Стилихона, сконцентрировавшего всю армию для похода на Восток, и казнь Стилихона, вызвавшая изменение политики правительства и вторжение Алариха. Правда, автор делает одно весьма важ-

ное уточнение, совершенно не вытекающее из проведенного им изложения событий, а именно: нашествие варваров было не причиной, а фактором, ускорившим раздвоение империи „в критический момент внутренней эволюции Римского мира“ (стр. 586). Но это правильное утверждение не устраняет недостатков книги, к разбору которых мы и переходим.

Как мы уже указывали выше, автор уделяет недостаточно внимания анализу состояния производительных сил, экономического положения приходившей в упадок Римской империи. Отмеченные Ф. Энгельсом всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, городов, уменьшение населения, возврат земледелия к более низкому уровню, являющиеся естественным следствием кризиса рабовладельческого хозяйства, усугубленного превращением государства в „гигантскую машину исключительно для высасывания соков из подданных“, не проявлялись во всех провинциях в одинаковой мере и форме. Уже Ф. Энгельс обратил внимание на уцелевшие остатки торговли в восточной части империи. Само собой разумеется, что различие в историческом развитии двух частей империи коренится в особенностях их экономического и социального положения. Демужо, считая своим долгом использовать археологический материал для уточнения плана какого-нибудь оборонительного сооружения в Бельгии или Британии, недостаточно привлекает многочисленные и ценные археологические данные, свидетельствующие об упадке городов¹, исчезновении крупных мастерских, рассеянии ремесла, распространении местных влияний в ремесленной технике, а также новые данные, относящиеся к многочисленным открытиям, сделанным в последнее время на Востоке (в Дура-Европосе, Антиохии и др.).

Автор неоднократно повторяет, что Восток богаче Запада (стр. 41, 47, 50, 54, 88, 354, 381, 505, 507, 530 и др.), приводит ряд данных об экономическом превосходстве Востока и его тенденции к экономической автономии. В книге говорится о сельскохозяйственных богатствах Ионии, Вифинии, Сирии, Египта, о золотых рудниках Фракии, мраморных карьерах Малой Азии, о стеклодувах и гончарах Финикии и Александрии, о ткачах Ионии, Карики, Сирии и Александрии, перерабатывавших шерсть, коноплю и лен (в особенности в Киликии и Тарсе), о производстве шелка, о лучшем положении восточных ремесленников в сравнении с западными², о торговле и торговых путях; автор останавливается на появлении новых³ и росте старых городов, связанных с Константинополем (в Каппадокии, Ликаонии), пишет о лучшем состоянии монетного дела на Востоке, указывает на роскошь, которую можно было наблюдать, например, в Египте, где ткали портреты на одеждах, где было распространено ношение льняного белья, употребление зеркал и т. д.

Но все эти сведения даны несколько схематично. К тому же автор переоценивает благосостояние и западных провинций к началу изучаемого периода (стр. 50—51, 57), чем и объясняется то, что он не считает безрассудным проект Стилихона (стр. 416), стремившегося к объединению двух частей империи. Между тем — Демужо сама утверждает это (стр. 363) — такое объединение должно было принять форму condominiuma, в котором Запад занимал бы первое место. Ясно, что господствующий класс более сильного в экономическом отношении Востока никогда бы не согласился добровольно на принятие подобного проекта.

¹ На стр. 42 автор дает сведения о сокращении периметра некоторых городов.

² Стр. 543—544: на Востоке *collegiati* не были поработены, как на Западе, между 395 и 409 гг. не было ни одного репрессивного закона против них (прим. 166).

³ Многочисленные Аркадиополи и Евдоксии — стр. 531—532, прим. 69—72.

Суммарно трактует автор вопросы, относящиеся к социальной характеристике империи, всегда интересовавшие и продолжающие привлекать внимание советских историков.

Демужо рассматривает государство как надклассовое, преследующее собственные цели и задачи учреждение, от силы и степени организации которого зависит во многом развитие исторического процесса¹. Неоднократно подчеркивая превосходство государственного аппарата восточной части империи, Демужо не только не устанавливает социально-экономические причины этого отличия, но вообще не определяет социальную опору правительства², считая, что государство заставляло все сословия стать *patriae servientes*. Трудно согласиться с утверждением автора (стр. 36), что сенаторы *clarissimi* были простыми служителями государства, воплощенного в лице императора, что государство их поработило (стр. 46). Не говоря уже о целом ряде указанных автором привилегий и реальных материальных благ, предоставлявшихся *clarissimis*, само законодательство выделяло их и ставило в особое положение: *nam ipsi pars corporis nostri sunt* (Cod. Just., IX, 8,5).

В книге нет попытки анализа процесса разложения рабовладельческого строя и вызревания новых производственных отношений, нет и прямого упоминания о роли рабства и рабов в социально-экономической жизни римского общества этого периода, если не считать сделанного мимоходом замечания, со ссылкой на Валлона, о сокращении рабской рабочей силы (стр. 46).

Между тем разбросанные по книге упоминания о продолжавшемся обращении свободных в рабство, о мобилизации рабов в армию, о продолжавшейся торговле рабами, приведенное автором известное сообщение Синезия о широком распространении в восточных домах рабов-готов должны были обратить на себя особое внимание исследовательницы.

Известно, что большее распространение рабовладения на Западе по сравнению с Востоком, где в течение всего античного периода значительную роль в производстве играл труд свободных производителей (общинников, арендаторов-издольщиков, ремесленников), объясняет, почему на Востоке кризис рабовладельческого строя не достиг такой остроты, как на Западе³.

Значительно больше внимания уделил автор другим категориям непосредственных производителей, в частности крестьянству. Но и здесь он обошел молчанием положение свободных крестьян и совершенно не коснулся общины, существование и значение которой в восточной части империи показаны в работах советских историков.

В сложном и до сих пор не разрешенном вопросе о колонате Демужо придерживается теории Ш. Соманя⁴, хотя его схема не встретила единодушного одобрения даже в буржуазной исторической литературе⁵. Прикрепление колоннов к земле императорским законодательством объясняется ею фискальными соображениями и учением об *origo*. Демужо счи-

¹ На стр. 425 автор, говоря о Гонории, утверждает даже, что все зависело от произвола императора, даже если он сам не совсем ясно понимал, чего он хочет.

² Отдельные замечания о выгоды того или иного мероприятия крупным землевладельцам носят случайный характер (стр. 34, 36, 193 и др.).

³ См. Е. М. Шт а е р м а н. Проблемы падения рабовладельческого строя. ВДИ, 1953, № 2, стр. 74—76.

⁴ Ch. Saumagne. Du rôle de l'origo et du census dans la formation du colonat romain. Byz., XII, 1937.

⁵ См. F. L. Ganshof. Le statut personnel du colon au Bas-Empire. Observations en marge d'une théorie nouvelle. L'Antiquité classique, XIV, 2 (1945).

тает, что колонат развился в первую очередь на императорских землях (стр. 46), причем, по ее мнению, даже известная конституция Константина (Cod. Theod., V, 17, 1), в которой речь идет вообще о беглых колонах, относится только к императорским доменам. Утверждение, что в 395 г. положение колона еще недостаточно ясно, несостоятельно. Вообще, автор склонен поздно датировать возникновение колоната, отказываясь от возможности проследить его глубокие экономические корни.

Coloni liberi сохранились не только до времени Анастасия (стр. 547, прим. 190 со ссылкой на Cod. Just., XI, 48, 19), но существовали и во время Юстиниана, который и дал в CLXII новелле наиболее полное определение отличия между coloni liberi и adscripticii, вернее ἐλεύθεροι и ἐναπόγραφοι¹.

Влияние, которое оказывали на развитие колоната сохранившие определенную силу рабовладельческие порядки, отличие и прогрессивность колоната по сравнению с рабством, его значение как переходной ступени к более прогрессивной форме эксплуатации непосредственного производителя — все эти вопросы не интересуют автора, а особенности колоната в отдельных частях империи² трактуются чрезвычайно сжато, без привлечения имеющегося в распоряжении исследователей обильного материала (в частности, для Египта). Проблема соотношения рабского труда и труда колонов не поставлена; автор не дает характеристики крупного хозяйства, не указывает общеизвестного факта экономической замкнутости имения на Западе и его тесных связей с рынком на Востоке.

При рассмотрении вопроса о колонате Демужо коснулась патронии. При этом, рисуя развитие патронии на Западе на основе довольно широкого использования красочных данных Сальвиана, Демужо противопоставляет западным восточные провинции, где, по ее мнению, правительство успешно боролось с этим явлением, а сам патроний отличался тем, что представлял собой контракт, имеющий отношение не к земле, а к лицам (стр. 49): лица, отдавшиеся на Востоке под патроний, получали фактическую защиту от своего покровителя за определенную плату, не теряя своей земли и свободы.

Нужно, однако, сказать, что борьба константинопольского правительства не была столь прямолинейной и победоносной, как это представляет себе автор. Стремясь сохранить мелкое землевладение и защищая свои фискальные интересы, правительство, выражавшее интересы крупных землевладельцев, было вынуждено идти на фактические уступки им. Cod. Theod., XIV, 24, 6 от 415 г. — по существу настоящая капитуляция правительства, поскольку прямо признаются все патронии до 397 г. и косвенно последующие. О том, что борьба не закончилась победой правительства, говорит тот факт, что законы, направленные против патронии, издавались позднее вплоть до Юстиниана и Тиверия (Cod. Just., X, 19, 8; Cod. Just., XI, 54, 1; Cod. Just., XI, 56, 1; Nov. Just., XVII, 13 и 15).

Фактически и на Востоке, как и на Западе, патроний сопровождался переходом земли в собственность покровителя. Об этом говорит и законодательство (Cod. Theod., XI, 24,2 и Cod. Theod., XI, 24,6), и

¹ См. перевод и комментарий у М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. ВС, М.—Л., 1945, стр. 23.

² Этот вопрос обстоятельно разбирается в рецензии Е. М. Штаерман на книгу М. Palasse. Orient et Occident. A propos du colonat romain au Bas-Empire. ВВ. т. VII, М. 1953.

рост крупного землевладения в Египте в V—VI вв.¹, так что здесь мы имеем дело скорее с разницей в масштабах и темпах процесса, вызванного специфическими условиями Востока.

Почти исключительно по данным законодательных источников, правда, обильно привлеченных, характеризуется положение куриалов. Справедливо отмечая их все более ухудшавшееся положение (стр. 41, прим. 50), в особенности на Западе (стр. 163, 184, 192, 540), Демужо не пытается объяснить это явление, не видит тесной и глубокой связи между упадком экономического и политического значения куриалов и кризисом рабовладельческой системы. Автор считает, что ухудшение положения куриалов является лишь одним из своеобразных аспектов клонящегося к упадку единства империи (стр. 40), поскольку, по его мнению, сенаторская знать и „средний класс“ являлись наиболее подлинными (*authentiques*) римскими социальными силами (стр. 219). Демужо не замечает, что куриалы представляли собой далеко не однородную массу — и не только в различных частях империи², но и в пределах одной и той же местности, поскольку к концу империи в курии происходит значительное расслоение. Состоятельная верхушка (*honogati*), переложившая всю тяжесть повинностей на рядовых куриалов, примыкает по своему имущественному положению и социальному весу к привилегированной категории сенаторов³. Это особенно заметно на Востоке, где товарное хозяйство и городской строй оказались устойчивее.

Куриалы упоминаются среди могущественных лиц, к патронату которых прибегали желающие (*Cod. Theod.*, XI, 24,4 — *ex ordine curiali*). Положение Синезия⁴, экономическое благосостояние и политическое значение верхушки куриалов в Антиохии являются яркой иллюстрацией этого. Куриалы Антиохии пользовались особым расположением правительства.

В книге Демужо нет анализа той острой классовой борьбы, которая раздирала разлагавшееся римское рабовладельческое общество. В крушении рабовладельческого способа производства трудящиеся массы выступали не пассивным зрителем, а являлись активной революционной силой, борьба которой имела решающее значение. Отсутствие в рецензируемом исследовании анализа этой борьбы настолько бросается в глаза, что даже отдельные буржуазные критики заметили, что автор больше говорит о трудности взимать налоги, чем о бедствиях народных масс⁵.

Это, однако, не означает, что автор обошел молчанием факты участия рабов и колонов в борьбе против империи и против угнетателей. Внимательный читатель найдет в разных местах книги, большей

¹ Поэтому трудно согласиться с мнением А. П. Каждана („О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи“. ВДИ, 1953, № 3, стр. 103) о том, что патронат не наносил удара по свободному крестьянству; то, что в результате патроната слабело муниципальное землевладение, не вызывает сомнения.

² На стр. 541 автор указывает на более мягкое отношение к куриалам восточного правительства, за время с 395 до 409 г. издавшего лишь один закон против них, а с 409 г. значительно облегчившего их положение, в то время как на Западе, за исключением времени Стихихона, констатируется обильное репрессивное законодательство, от которого начали отказываться лишь с 410 г. (стр. 541, прим. 140—142).

³ А. Р. Корсунский. *Honestiores* и *humiliores* в законодательных памятниках Римской империи. ВДИ, 1950, № 1, стр. 89.

⁴ С. Н. Состер. *Synesius, a Cūrialis of the Time of the Empereur Arcadius*. Вуз., XV, 1941.

⁵ Рецензия G. Downey, *Speculum*, XXVI, 1951, № 4: рецензент имеет в виду, вероятно, стр. 505—507, прим. 60—79, где все эти данные сконцентрированы.

частью в примечаниях, значительное число данных, свидетельствующих об исключительной остроте и широком размахе классовой борьбы на протяжении всей истории Римской империи. Так, автор говорит о частых случаях бегства рабов¹, дезертирстве из армии², о недоверии римлян к своей армии (главным образом к варварским частям)³, об исключительном распространении „бандитизма“, своеобразной формы классовой борьбы, заключающейся не в разобщенных действиях отдельных *latrones*, а в создании настоящих объединений⁴, о помощи, оказанной рабами и колоннами варварам, и о переходе угнетенных на их сторону (стр. 44; стр. 225, прим. 551; стр. 470, прим. 154; стр. 437, прим. 438; стр. 393 и 547, прим. 186; стр. 468; стр. 593, прим. 122; стр. 546, прим. 184, 185 и т. д.). Еще больше материала о классовой борьбе мы найдем на страницах, посвященных донатистам и агонистикам, о чем скажем ниже. Но весь этот материал не связан направляющей мыслью. Демужо не придает значения революционному движению угнетенных, свергнувших совместно с варварами господство римских рабовладельцев и открывших тем самым широкие возможности для развития производительных сил в рамках более передовых производственных отношений. Не видит исследовательница и роли, которую сыграли сокрушительные удары варварских вторжений, нанеших непоправимый урон крупным римским рабовладельцам, разорение которых автор частично признает (стр. 538)⁵.

Существенное место в исследовании Демужо занимает изучение религиозных проблем.

При этом отдельные вопросы трактуются автором в реалистическом духе. Демужо дает неприкрашенную характеристику Феофилу и его фанатичным монахам (стр. 307—309); в отличие от ряда буржуазных ученых, преуменьшавших последствия разорения Рима Аларихом⁶, Демужо разоблачает несостоятельные и тенденциозные попытки христианских писателей обелить вестготов-христиан (стр. 471—477). Однако в целом автор переоценивает значение религиозного фактора: он стремится установить различие между Востоком и Западом с точки зрения соотношения между язычниками и христианами и отношений между государством, олицетворенным императором, и церковью.

Отмечая, что на Западе язычество сохранило значительно более сильные позиции, чем на Востоке, Демужо концентрирует все внимание на анализе борьбы между языческой и христианской верхушками, несомненно преувеличивая этот, сравнительно несущественный, антагонизм. Слабое распространение христианства среди крестьян, в особенности в дальних районах Галлии, Дуная и т. д., хотя и отмечается (стр. 79—80), но объясняется только недостаточной романизацией.

Другим интересующим Демужо вопросом является вопрос о взаимоотношении между императорской властью и церковью⁷, об отличии в церковной политике (по отношению к язычникам, еретикам и духо-

¹ Стр. 547, прим. 188.

² Стр. 511, прим. 107.

³ Стр. 276, прим. 251.

⁴ Стр. 215, прим. 398; стр. 465, прим. 131; стр. 526, прим. 36; стр. 530, прим. 55; стр. 541, прим. 140; стр. 547, прим. 187.

⁵ Характерно замечание автора, что „социальный переворот, вызванный варварами, менее заметен, чем дезорганизация политической и экономической жизни“ (стр. 538).

⁶ См. об этих историках Н. И. Голубцова. Италия в начале V века и вторжение Алариха в Рим. ВДИ, 1949, № 4, стр. 71.

⁷ Этот вопрос привлекает многих буржуазных исследователей. Из работ последнего времени см.: W. Ensslin. Die Religionspolitik des Kaisers Theodosius der Grosse (SBAW, Phil. hist. Kl. 1953, H. 2). München, 1953.

венству), проводимой на Западе и Востоке. При этом автор постоянно подчеркивает особенности Востока — мистицизм, отсутствие языческой оппозиции, зависимость церкви от государства, диктующего свою волю в религиозных вопросах, более ярко выраженная аскетическая тенденция, доходившая до отказа от имущества и не встретившая сочувствия большинства верующих и духовенства на Западе (стр. 72—73)

Демужо никогда не вскрывает демагогического характера „христианского эгалитаризма“. Уделяя большое внимание страстным проповедям Иоанна Златоуста против роскоши и богатства, обеспечившим ему горячую симпатию и привязанность беднейших слоев¹, приведя даже его высказывание о том, что в основе крупных состояний лежат кража и преступление (стр. 299, прим. 379), она считает их искренним выражением его аскетических стремлений. Автор не замечает классовой направленности этих проповедей, преследовавших цель отвлечь массы от борьбы за материальные блага²: в произведениях этого „отца церкви“ „нет ни одного слова, которое могло бы позволить бедному считать, что он имеет право на малейшее притязание к богатому“³.

Вообще конфликт между Иоанном и правительством рассматривается хотя и очень подробно, но исключительно с точки зрения его последствий для отношений между Западом и Востоком. Много и часто говоря об агонистиках, которых автор упорно называет циркумцеллионами, он зачастую прибавляет эпитет „банды“, „бандиты“⁴ и подчеркивает их „жестокости“, некритически следуя источникам, глубоко враждебным этому революционному движению народных масс. Хотя в книге и приведены некоторые факты, помогающие нам выяснить классовую опору агонистиков и католиков, автор не интересуется этой стороной вопроса, не стремится выяснить причины, вызвавшие столь упорную и длительную борьбу, и ограничивается признанием несостоятельной теории Соманя⁵.

Книга снабжена огромным количеством примечаний (свыше 3200), причем большинство из них содержит не только ссылки на источники и литературу, но и развернутую критику этих источников и подробный анализ литературы. Некоторые из них чересчур громоздки и иногда даже просто излишни, поскольку приводимые материалы не имеют отношения к теме. Серьезным недостатком аппарата является большое количество вкравшихся неточностей, что было отмечено многими рецензентами⁶.

Ощущается отсутствие карт в книге, поскольку автор уделяет большое внимание вопросам топографии.

Монография Э. Демужо является крупным исследованием, основанным на тщательном разборе огромной массы разнообразнейших источ-

¹ Среди иоаннитов были и рабы. Ю. Кулаковский. История Византии, т. 1, стр. 194. Классовый состав иоаннитов Демужо не интересуется, хотя конфликту Иоанна с императором посвящено около 40 стр.

² Сама Демужо дважды (стр. 60, прим. 206 и стр. 77, прим. 125) приводит характерный в этом отношении упрек Иоанна Златоуста крупным землевладельцам, строящим для своих крестьян бани вместо церквей (In act. apost. PG, t. 60, col. 147—148).

³ Aimé Puech. Saint Chrysostome et les mœurs de son temps, p. 1, цит. по кн.: Ш. Эншлен. Происхождение религии, М., 1954, стр. 212.

⁴ Что это за бандиты, которые предпочитали кончать жизнь коллективным самоубийством (стр. 73, прим. 93)?

⁵ Ch. Saumagne. Ouvriers agricoles ou rôtisseurs de celliers? Les circoncellions. Annales d'Histoire écon. et soc., 1934. Критический разбор см. у Н. А. Машкина [„Агонистики и циркумцеллионы в кодексе Феодосия“. ВДИ, 1938, № 1 (2) и „К вопросу о роли движения рабов и колоннов в Римской империи“. ВДИ, 1949, № 4].

⁶ Classical Philology, XLIX, p. 57—59 и др.

ников и привлечении исторической литературы, относящейся к теме. Эрудиция и несомненная компетенция автора позволили ему с большой обстоятельностью выяснить фактическую историю пятнадцатилетнего периода, избранного в качестве объекта исследования. Автор уточнил ряд спорных вопросов: датировку источников, событий, передвижений народов, локализацию событий, а также отдельные моменты фискальной и военно-административной истории империи. Попутно в книге приведен также и значительный материал, относящийся к положению и борьбе народных масс. Поскольку, однако, автор не поставил в центре своего исследования проблему социально-экономических причин разделения, а выдвинул на первый план лишь вопрос о том, как разделилась империя, и уделил все внимание „событиям и людям“, он не смог нарисовать правильную картину и дать научное объяснение специфики этого важнейшего периода.

И. Ф. Фухман

E. A. THOMPSON. THE HISTORICAL WORK OF AMMIANUS MARCELLINUS

Cambridge, 1947, 141 p.

Книга английского прогрессивного исследователя Э. А. Томпсона „Исторический труд Аммиана Марцеллина“ представляет собой значительное во многих отношениях явление. Она может заинтересовать советского историка как методологией автора, который стремится стать на марксистские позиции, так и свежестью выводов относительно большого числа частных вопросов истории IV в., получивших, казалось бы, давно уже окончательное разрешение. Как показывает приводимый ниже план книги, интерес автора сосредоточен вокруг двух кардинальнейших для всякого историографического исследования проблем — на характере использования источников и общей концепции излагаемых событий. Первой посвящена частично гл. 1. „Биография“ (стр. 1—20) и гл. 2. „Источники“ (стр. 20—42), а второй — гл. 3—6 (стр. 42—108), где автор рассматривает события, группируя их вокруг виднейших исторических фигур того времени — Урсицина, Цезаря Галла, Юлиана, Феодосия (отца императора Феодосия I), Максимиана и, частично, гл. 7 — „Композиция последних шести книг Истории“ (стр. 108—121). Работа завершается обобщающей гл. 8 — „Аммиан как историк“ (стр. 121—134) и двумя приложениями: „Зосима и персидский поход Юлиана“ (стр. 134—138) и „Хронологические замечания к „Истории“ Аммиана, XXVIII, 1“ (стр. 138—141).

Выводы сравнительно небольшой по объему книги Томпсона подымают многие распространенные точки зрения, прежде всего — уверенность в первенствующей роли письменных источников в работе любого позднеантичного и в особенности средневекового автора и в некритическом их использовании.

Зарубежная историография в лице подавляющего большинства своих представителей до сих пор по традиции сводит все противоречия и своеобразие оценок, встречающиеся в том или ином источнике, к неумелому списыванию их автором своих предшественников. Таким образом, писатели поздней античности и средневековья почти без исключений признаются компиляторами, неспособными критически отнестись к используемым ими письменным свидетельствам. В представлении мно-